

К.Б. Уразаева*, Г. Ерик

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: kuralay_uraz@mail.ru; yerikgulnur88@mail.ru)*

«Сказка о царе Салтане» А. Пушкина. Парадокс и метод работы писателя с русской народной сказкой

В статье на материале «Сказки о царе Салтане» А. Пушкина предпринята попытка описания модели парадокса. Изучение парадокса осуществлено в контексте связи со структурой конфликта и сюжетом, что способствует установлению особенностей метода работы писателя с русской народной сказкой. Метод работы рассмотрен как с позиций отступления Пушкиным от формульной поэтики народной сказки, так и соотношения синтагматизма фабулы и парадигматизма сюжета. Структура парадокса и работа писателя с народной сказкой показана на примерах христианизации сюжета и образов, иронического парафраза и пародии, особенностей композиции. Проанализированы приемы синтаксического параллелизма. Функция антитезы исследована в ее разновидностях — архетипической и сюжетной. Исследована роль и виды повторов как сюжетных скреп. Принцип зеркальной сюжетной симметрии исследован как особенность работы писателя с русской народной сказкой. Объясняется двойная природа воздействия автора на читателя — ребенка и взрослого: в фабульном аспекте с позиции поэтики чуда, в сюжетном — в аспекте манипуляции, что способствует прояснению парадоксального характера пушкинской сказки. Синтагматичность фабулы стала основой выявления парадигматизма сюжета, построенного на парадоксе, который создается отступлениями от сказочного канона.

Ключевые слова: Пушкин, «Сказка о царе Салтане», парадокс, русская народная сказка, аксиология, формульная поэтика, фабульная синтагма, парадигматический сюжет.

Введение

Жанровая особенность сказки А. Пушкина заключается в двоякой природе смеховой поэтики и направленности на ребенка и взрослого. Обширная литература, посвященная сказке писателя и методам работы с народной сказкой, не охватывает проблему парадокса. Между тем изучение парадокса с позиции структуры конфликта, связи с сюжетом проводит границу литературной сказки с народной и выявляет новые аспекты жанрового своеобразия сказки Пушкина. Обоснованная в настоящей работе точка зрения на парадокс как соотношение фабулы и сюжета — в аспекте синтагматизма фабулы и парадигматизма сюжета, рассмотренная на материале «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (далее и везде: «Сказка о царе Салтане»), позволяет охарактеризовать структуру парадокса как источник двойственности смеховой поэтики и отход от формульной поэтики народной сказки, сказочного канона.

Постановка проблемы

Анализ парадокса для понимания метода работы Пушкина с русской народной сказкой требует исследования фабулы и сюжета, их функции в поэтике литературной сказки, а также как способа отступления от сказочного канона. Охарактеризованная таким образом иерархия волшебного в «Сказке о царе Салтане» подразумевает в качестве предмета исследования соотношение синтагматичности фабулы и парадигматизма сюжета. Такой подход способствует анализу двоякой природы смеховой поэтики и двойственности воздействия на читателя — ребенка и взрослого. Целью статьи является создание модели парадокса в сказке Пушкина. Достижение обозначенной цели предполагает решение задач: 1) систематизировать отступления автора от сказочного канона; 2) охарактеризовать синтагматизм фабулы и парадигматизм сюжета как способы отступления от сказочного канона; 3) установить связь между фабульно-сюжетной организацией сказки и структурой парадокса; 4) описать роль парадокса как источника двойственности смеховой поэтики сказки и ее направленности на двух адресатов — ребенка и взрослого. При таком подходе предметом исследования является иерархия волшебного в сказке.

*Автор-корреспондент. E-mail: kuralay_uraz@mail.ru

Материалы и методы исследования

Исследование парадокса как индикатора художественности, отграничивающего отступления писателя от формульной поэтики народной сказки с ее канонами, выявление роли фабульно-сюжетной организации в структуре парадокса требуют систематизации ряда направлений в современной науке. В методологическом отношении актуальным остается мнение Д. Лихачёва о парадоксе как «борьбе заданного и данного» при творческом соучастии реципиента [1; 398]. Плодотворным представляется опыт изучения парадокса в сказке О. Уайальда О. Тумбиной, установившей его особенность как противоречие между теоретическими установками писателя и этическим содержанием произведений [2]. Исследование контраста и парадокса, связи эмоционально-эстетической функции стилистических приёмов с содержанием художественного произведения и с эстетическими воззрениями писателя стало для ученого основой концепции парадокса. О. Тумбиной были выявлены и описаны логико-речевые и языковые парадоксы, функции религиозных мотивов в сказке английского писателя с позиций эстетики и этики. Развитие данной концепции И.П. Капановой и В.Н. Коробчак привело к установлению функции парадокса как стилеобразующего фактора в корреляции с антитезой [3]. Приведенный опыт изучения парадокса в литературной сказке представляет интерес для заявленной темы изучением связи эстетических взглядов автора с этическими представлениями. В этом отношении учет дидактических установок как метод работы Пушкина с народной сказкой выявляет актуальность такой проблемы, как влияние православно-аксиологических концептов на духовную семантику «Сказки о царе Салтане». Данный тезис перекликается с работами В. Непомнящего, обосновавшего мысль о духовной семантике в качестве «конституирующей особенности Пушкина» [4: 133]. Мысль ученого о пушкинской концепции героя как замысла Богом человека позволила охарактеризовать методологию Пушкина как «методологию веры» [4: 166]. Подтверждением приведенных положений стала работа ученого «Заметки о сказках Пушкина» [5; 124–151].

Для понимания парадокса сказки Пушкина значима концепция М. К. Азадовского о методе работы писателя с фольклором [6]. Вывод исследователя о воплощении Пушкиным чужих сюжетов как «подлинно национальных» получил развитие в настоящей статье на примере концептов православия и формульной поэтики русской народной сказки.

Для разработки концепции пушкинского парадокса актуальна диссертация И. Сурат [7], посвященная литературной специфике сказки Пушкина. Положение Сурат об идеологических и эстетических основах жанра подтверждает новизну предпринятого ученым подхода, направленного на изучение работы Пушкина со сказкой сквозь призму построения фабулы и сюжета. Для описания метода работы со сказкой писателя в аспекте парадокса представляется ценным исследование ученого о сказке Пушкина как транзитной модели: имеется в виду замысел писателя «пересадить французскую легкую комедию на русскую почву» [8; 9].

Разработке представления о парадоксе сказки Пушкина и методе его работы с русской народной сказкой способствует парадигма «программной фольклорности» С.В. Сапожкова [9]. Ученый обратил внимание на раскрытие национально-характерного в его жанрово-художественной специфике как итог творческих исканий Пушкина в жанре литературной сказки. Среди таких исканий выделена найденная Пушкиным модель: «логика (антилогика) поведения героя-дурака или шута бытовой сказки» [9; 400].

Для концепции пушкинского парадокса значимы идеи Е. Трубецкого 20-х гг. XX в. Работа Трубецкого «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» [10] об идеях и парадоксальной природе русской народной сказки с позиции «иного царства» и его искателей позволяет описать метод работы Пушкина в контексте отступлений от сказочного канона. Описание Трубецким русской народной сказки: психологии народной печали, символики, воплощения мудрости в женских образах, например, вещей старухи и вещей невесты — выявляют как преемственность Пушкина по отношению к русской народной сказке, так и его новаторство, объясняющее связь между парадоксом и адресованностью сказки и ребенку, и взрослому.

Анализ результатов современной сюжетологии способствует выявлению жанровой специфики пушкинской сказки в аспекте фабульно-сюжетной организации. Опора на труды И. Силантьева [11], [12–14] делает актуальным и методологически плодотворным изучение сюжета как способа повествования, анализ его структуры и функций в художественном произведении. Концепция ученого о синтагматичности фабулы и парадигматичности сюжета применительно к рассматриваемой сказке позволяет описать парадокс в синтезе смехового и драматического. Мысль Силантьева: «... мотивы

репрезентированы в нарративе посредством событий» [12; 73] — переключается с позицией Вацуро, обратившего внимание на законы построения сюжета в сказке Пушкина и связь со структурой конфликта [15].

Обзор выявленных актуальных проблем исторической и теоретической поэтики и решение обозначенных задач обусловили использование авторами следующих методов: формального (имманентный анализ художественного произведения на уровне образной системы, стиля, тропов), герменевтического (обеспечивающего толкование сказки с позиций современной концепции сюжета), аксиологического (способствующего анализу концертов православия и их духовной семантики). Применены также подходы: лингвокультурологии (способствующего установлению связи между выразительностью языковых и стилистических единиц с понятиями и представлениями культурного свойства, характеризующими национальную концептосферу), лингвоконцептологии (позволяющими выявить семиотическую значимость русской национальной и авторской концептосфер), дискурсного анализа (направленного на анализ коммуникативного события, анализ «встречи» двух сознаний — автора и реципиента — читателя). Основным методом, позволившим выявить систему отступлений Пушкина от формульной поэтики русской народной сказки и разработать их классификацию, является таксономический. Использование данного метода отражает достоверность и наглядность полученных результатов посредством 3 диаграмм, 2 графиков и 1 таблицы.

Результаты и их обсуждение

Работа Пушкина с народной русской сказкой и отход от формульной поэтики поднимает проблему типологической общности сказки Пушкина с западной и восточной сказкой, с одной стороны. Так, следует отметить внимание автора сказки к мифологическим представлениям, сформировавшим мотивы сказки. О роли архетипических образов и мотивов в построении фабульной синтагмы свидетельствуют такие примеры. Это использование Пушкиным мифологической топонимики Запада и Востока, мифологии женского преобразующего начала. Первый мифологический мотив обусловлен семиотикой Востока и Запада. Объяснение В.Е. Ронкиным мифологии закатившегося солнца как страны заката: «... на западе помещались ... острова блаженных, чудесные острова бессмертия и вечной молодости» [16; 128] — придает острову, куда была выброшена волной бочка с младенцем, силу берега. Введение автором острова Буяна в волшебную топонимику сказки также возвращает к мифологическим истокам: это своего рода точка в маршруте следования с запада (от заморских стран, где «житье не худо» и царства Гвидона) к Востоку, царству Салтана. В фольклористике роль острова Буяна — как «центра мира» — делает неслучайным противопоставление царства Гвидона, расположенного на западе и являющегося центром чудес и волшебства, царству Салтана на востоке. С другой стороны, мифологические представления дали основу поэтике русской народной сказки. Мифологический сказочный параллелизм *лебедь — девица*, популярный в русской народной сказке, определяет завязку второй истории. Если в первой истории — изгнании царицы с младенцем — завязкой являются козни сестер и бабки, то история со спасением лебеди дает сказке новый фабульный и сюжетный поворот. Сюжет в сюжете обладает фабульностью синтагмы: это история о чудесах в царстве Гвидона. На уровне же парадигматизма сказка оборачивается сюжетом обретения сыном отца.

Известный по мифологии мотив странствия младенца по волнам, в корзине, сундуке, ящике — метафора «загробных» странствий закатившегося солнца по потустороннему миру [16;125] — подвергается Пушкиным христианизации. Отступление от сказочного канона наполняет сюжет духовным содержанием. Традиционно применительно к рассматриваемой сказке исследователи упоминают миф о Персее и мотив драконоборства. Между тем православно-аксиологический словарь концептов позволяет установить типологию пушкинской сказки с сюжетом агиографических сказаний, например, хождения Богородицы по мукам. Христианизация сюжета привела автора сказки к наделению синтаксического параллелизма психологией противостояния добра и зла, типичных для русской народной сказки и православия. Антитеза: «*Бьется лебедь средь зыбей, // Коришун носится над ней*» и «*Ты не коришуна убил, // Чародея подстрелил*»* (510) — воплощает в авторской интерпретации единоборство зла и добра. Сюжет избавления и спасения, типичный для русской народной сказки, облечен автором в христианскую формулу. Признание лебеди, ритуальная роль шнурка от православного кре-

* Сказка Пушкина цитируется по изданию: Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди // А. С. Пушкин Полное собрание сочинений: [В 16 т.]. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. — Т. 3. Кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. — 1948. — С. 506–533. В круглых скобках указана цитируемая страница.

ста (*Со креста снурок шелковый*), православная архитектура: *«Блещут маковки церквей / И святых монастырей»* (511), риторический вопрос: *«Бог неужто их покинет?!»*, объединение в образе царевича функций *спасителя и избавителя* — напоминание о влиянии на автора сказки исполнителей духовных стихов — бродячих слепцов [16; 126]. В этом свете установленная ученым связь образа Гвидона с Егорием, описание черт Георгия Победоносца в образе героя подтверждают исследованную в настоящей работе роль аксиологически православного контекста волшебного как грани пушкинского парадокса.

Отступление Пушкина от сказочного канона определяется применением концептов православия, реализованных в понятиях: *крещеный мир, батюшка-царь, царь-отец*. Ритуализация-призыв: *«Не губи ты нашу душу»* — с ярко выраженной дидактической направленностью и предостережением — сочетается с авторской убежденностью в благополучном исходе событий. Мотив раскаяния в устах Лебеди: *«Не раскаться б потом»* (527) — также принимает характер концепта православия. Обряд благословения на брак царицей мать вводит мотив чудотворной иконы: *«Бог вас, дети, наградит»* (528). Мотив *«На царевне обвенчался»* (528) — апеллирует к ритуалу и семейно-обрядовой практике. Приведенные примеры христианизации автором сюжета и образов при помощи ритуализованной практики православия, которые иллюстрирует отступление от сказочного канона, выявляют особенность работы писателя с русской народной сказкой. Другая линия обусловлена введением в повествование историй о чудесах — белке, 33 богатырях и их дядьке Черноморе, царевне. При этом в фабульной синтагме Пушкиным сохраняется типичный для формульной поэтики русской народной сказки мотив печали: *«Грусть-тоска меня съедает»* (513, 516, 521, 526).

Формульная поэтика, основанная на мифологических представлениях, обусловила символику числа в диспозиции фигур. *Три девицы* — расстановка сил, которая стала источником конфликта. Формульная поэтика организует у читателя на подсознательном уровне представление о предвестии беды при помощи хронотопа. В ритме повторяющихся действий: *«Пряли поздно вечерком»* (506) — обыденное существование передано с помощью семиотической рамки окна как границы двух миров — физического и метафизического, когда выражение потаенных скрытых желаний и мечтаний не только дает выход подсознательному, но и очерчивает контуры трех идеалов жизни, проводящих границу между психотипами героинь.

В работе Пушкина с фольклорным материалом следует выделить роль архетипов русской народной сказки. Отсюда классификация образов в сказке Пушкина: устойчивые образы русской народной сказки; образы, типичные для сказок с семейным конфликтом; материальные образы еды, изобилия, основанные на наивных представлениях о царской жизни; образы, выражающие идею противоборства. Формульная поэтика сказки обнаруживает себя и в ритуализованной практике. Это образы, вызывающие ассоциации с русской народной сказкой: *красная девица, светлица, на добра-коня садясь*. Образы ткачихи с поварихой со сватьей бабой Бабарихой и их идеалы царской жизни, ставшие основой козней и интриг, тяготеют к материальным образам — еды (пир на весь мир) и изобилия (полотно на весь мир). Ирония автора кроется в реконструкции наивного взгляда на царскую жизнь, но вместе с тем здесь заложены зерна будущих социальных статусов героинь — поварихи и ткачихи. Повеление царя: *«Будь одна из вас ткачиха, а другая повариха»* (507) — в координатах формульной поэтики сказки соответствует функции героя, определяющей его роль в сюжете, нейтрализующей значимость другого именованного. Известно, что в сказочном каталоге функция героя, как это было обосновано В. Проппом, определяется 7 типами [17, 18]. Пушкин трансформирует функцию имени героя в анонимность. Замена имени героя статусом своего рода табуирование его идеала. За поварихой и ткачихой скрыты роли представителей нижнего мира сказки [10]. Функция имени как иронического парафраза, принцип пародийной номинации становится еще одной линией отступления от сказочного канона писателем. Ткачиха с поварихой, по замечанию Ронкина, встречаются во многих сказках этого типа у разных народов, а Бабариха — только у Пушкина. С одной стороны, образ несет в себе следы языческого персонажа. Известна формула заговора: *«Бабариха держит «горячу калену сковороду», которая ей тело не жжет, не берет»*. Неслучайна в этом свете несоразмерность наказания комической тройцы: окривевшие на один глаз ткачиха с поварихой воплощают народные представления об отменности лжецов (Бог шельму метит), в то время как укушенная в нос бабка, которую пожалел внук, вызывает ассоциацию с идиомой: *«Не суй нос в чужие дела»*. Мифология русской народной сказки прослеживается и в роли образа коршуна как чародея — символа зла и магии. Таким образом, обобщение приемов формульной поэтики, в том числе ритуализованной практики позволяют установить их роль источника фавульной синтагмы. Эту связь отражает график 1.

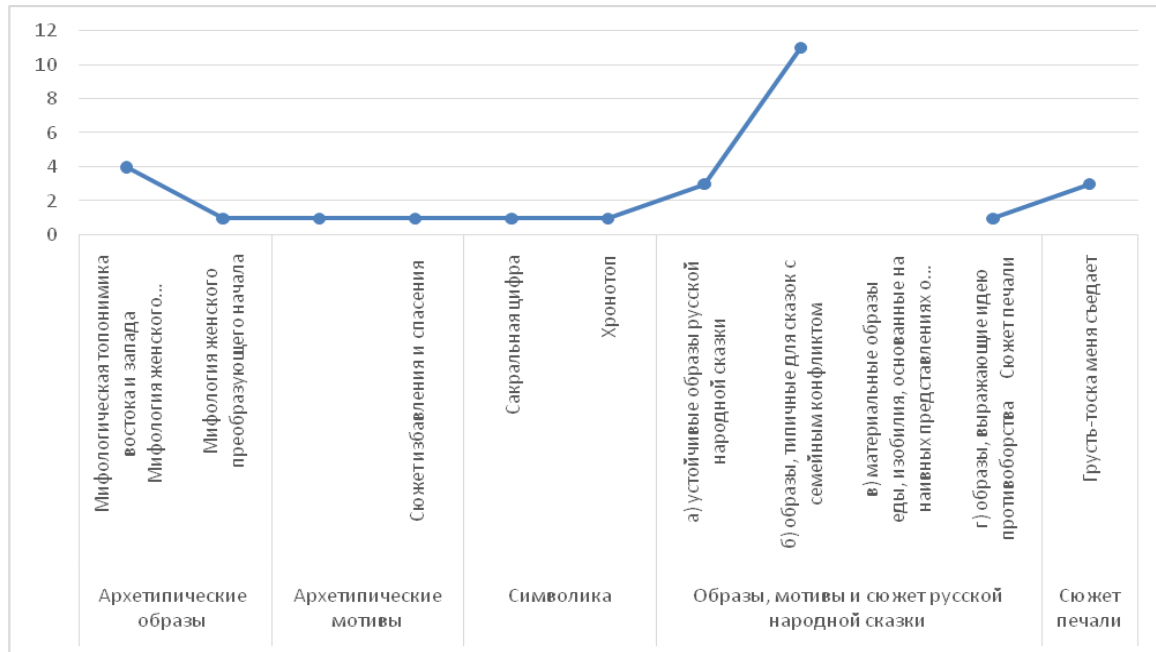


График 1. Приемы формульной поэтики и ритуализованная практика как источники фабульной синтагмы

Вместе с тем частотность использования приемов формульной поэтики также характеризует метод работы Пушкина с русской народной сказкой и иллюстрирует примеры отступления от сказочно-го канона. Эта система отступлений показана в диаграмме 1.

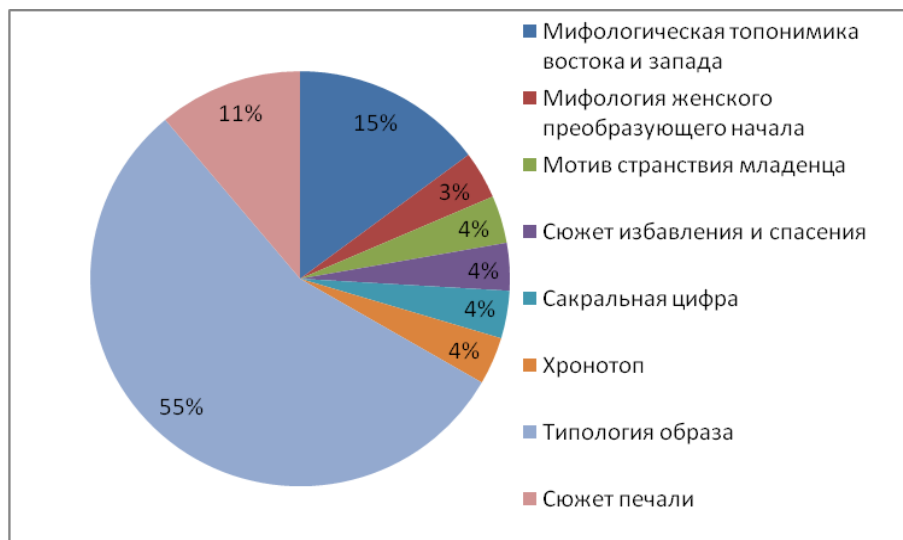


Диаграмма 1. Частота использования приемов формульной поэтики в «Сказке о царе Салтане»

Описать структуру парадокса как метод работы Пушкина с русской народной сказкой помогает анализ фабульной синтагмы с позиций частоты употребления приемов формульной поэтики. Так становится возможным представить принцип зеркальной композиционно-сюжетной симметрии посредством диаграммы 2.

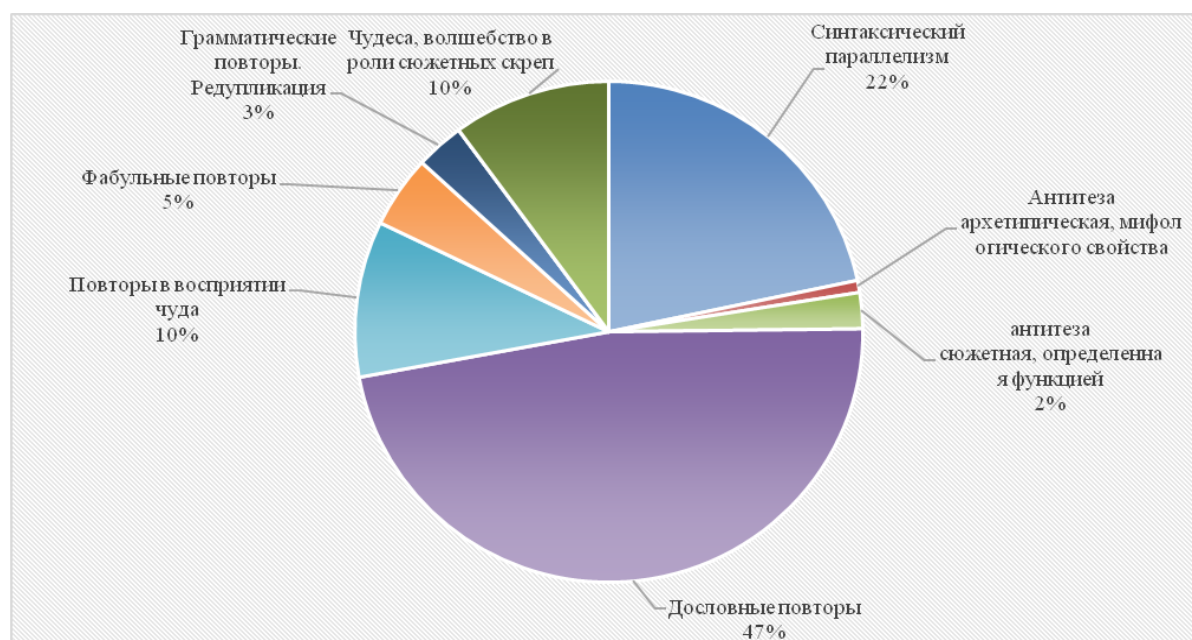


Диаграмма 2. Частота упоминаний как прием фабульной синтагмы и принцип композиционно-сюжетной симметрии

Отступления Пушкина от сказочного канона, проясняющие образование парадокса, характеризующие работу писателя с русской народной сказкой, на примерах христианизации сюжета и образов, иронического парафраза и пародии, особенностей композиции отражает Таблица 1.

Т а б л и ц а 1

**Отступления Пушкина от сказочного канона как источник парадокса.
Христианизация образов и сюжета, иронический парафраз и пародия, композиция**

п/п	Пример отступления от сказочного канона	Приемы
1	Христианизация образа, сюжета, мотивов	Образы и предметы ритуальной практики. Риторические восклицания. Мотив странствия младенца Сюжет избавления и спасения
2	Иронический парафраз и пародия	Трансформация функции героя в табуированное имя. Принцип пародийной номинации
3	Композиция	Синтаксический параллелизм. Антитеза а) архетипическая, мифологического свойства; б) сюжетная, определенная функцией противостояния. Дословные повторы. Повторы в восприятии чуда. Фабульные повторы. Грамматические повторы. Редупликация. Чудеса, волшебство в роли сюжетных скреп

Анализ отступлений от сказочного канона Пушкиным как еще одна особенность работы с русской народной сказкой позволил выделить следующие приемы композиционно-сюжетного построения «Сказки о царе Салтане»: синтаксический параллелизм, функцию антитезы — архетипической, мифологического свойства и сюжетной, определенной функцией противостояния; повторы: дословные, повторы в восприятии чуда, фабульные повторы, грамматические повторы (редупликацию); чудеса, волшебство в роли сюжетных скреп. Эти приемы отражает график 2.

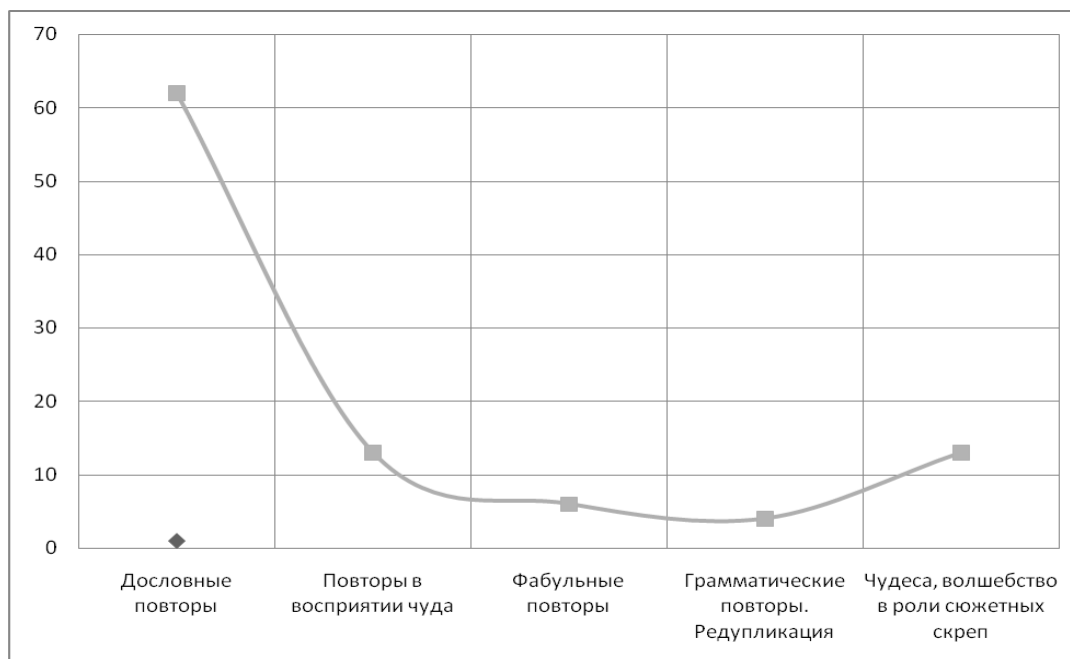


График 2. Композиционно-сюжетная симметрия «Сказки о царе Салтане»

Частота примененных Пушкиным приемов сюжетно-композиционного построения позволила осуществить их дифференциацию, которая иллюстрирует известный пушкинский принцип зеркальной сюжетной симметрии. Эту особенность работы писателя с русской народной сказкой по линии отступления от сказочного канона показывает диаграмма 3.

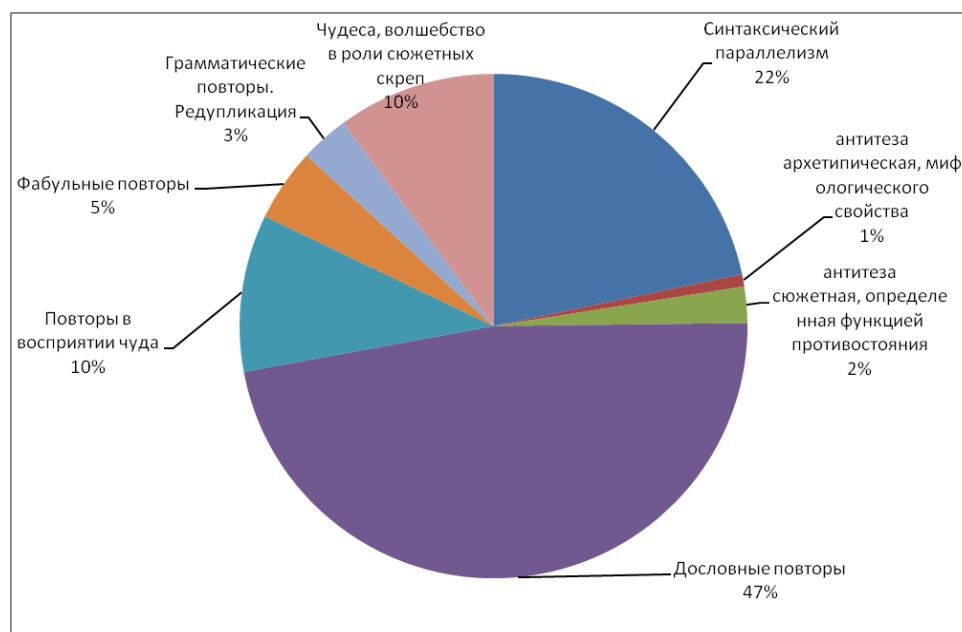


Диаграмма 3. Композиционно-сюжетная симметрия в аспекте частоты упоминаний приемов

История чудес, определяющая центральное ядро волшебного в сказке, обладает двойной природой воздействия. Для ребенка секрет воздействия заключается в природе волшебного, для взрослого за внешней историей чудес скрывается иронический рассказ о манипулировании ткачихой, поварихой и сватьей Бабарихой царем Салтаном. С одной стороны, манипуляция сестер имеет воздействие на царя, и она может восприниматься умелой и искусной. Однако секрет манипуляции наивных персонажей, чьи представления об идеале дают основание отнести их, по классификации Трубецкого, к нижним этажам, выявляет парадоксальность сказки. Чем более удивительным и невозможным пред-

ставляется чудо, тем дальше отодвигается перспектива встречи отца и сына (неслучайно автор делает при помощи превращений Гвидона в комара, муху и шмеля свидетелем реакции царя Салтана и его окружения на чудо). Парадоксальность такого рода вписывается в парадигму волшебного, однако здесь, помимо наивности персонажей — сочинителей историй о чудесах для взрослого читателя очевидна ирония автора, направленная на царя Салтана, представляющего не столько легковверным человеком, сколько испытывающим потребность в чудесах. С точки зрения психологии, Салтан ведет себя как человек, неудовлетворенный своей жизнью. В отличие от зависти — движущего мотива в поведении женских персонажей, его окружающих и опережающих его, для царя характерно подсознательное стремление к чуду. Салтан не покидает своей территории, является пассивным реципиентом рассказов об удивительных странствиях корабельщиков. Он, незаметно для себя и невольно, движимый интригами сестер и сваты Бабарихи, становится инициатором демонстрации ему чудес из мира Гвидона. Сюжет чудес, построенный на ряде мотивов, определяет синтагматичность фабулы как линии противоборства Гвидона с корыстными родственницами, в то время как парадигматизм сюжета основан на парадоксе, который создается отступлениями от сказочного канона. Парадигматизм сюжета образует пушкинский парадокс в «Сказке о царе Салтане» посредством пародийного осмысления образов насекомых. Анализ функции комара, мухи и шмеля в рассматриваемой сказке способствует пониманию пародийной коннотации сказки, специфики пушкинского юмора.

Заключение

Преемственность автора сказки по отношению к русской народной сказке проявляется в использовании ее формульной поэтики и определяет фабульное построение сказки. Приемы использования формульной поэтики обладают разной степенью частотности употребления. Соотношение приемов формульной поэтики в сказке Пушкина позволяет описать метод работы писателя с русской народной сказкой. Установление связи между приемами формульной поэтики, ритуализованной практикой и отступлениями автора от сказочного канона способствует описанию фабульной синтагмы. Христианизация образов и сюжета, наряду с ироническим парафразом и пародией, составила еще один принцип работы Пушкина со сказочным канонам. Эта особенность метода состоит в обращении к образам и предметам ритуальной практики, использовании риторических восклицаний, разработке мотива странствия младенца, а также сюжета избавления и спасения. Иронический парафраз и пародия заключаются в трансформации функции героя в табуированное имя и применении принципа пародийной номинации. Еще одна особенность работы писателя с русской народной сказкой состоит в фабульно-сюжетном построении, ставшем источником двойственности смеховой поэтики и восприятия сказки ребенком сквозь призму фабулы, взрослым — сюжета, в том числе и техник манипуляции как инструментом риторики.

Список литературы

- 1 Лихачев Д.С. Несколько мыслей о «неточности» искусства и стилистических направлениях / Д.С.Лихачев // Philologica. Исследования по языку и литературе: памяти акад. В. М. Жирмунского. — Л., 1973. — С. 394–401.
- 2 Тумбина О.В. Контраст и парадокс в повествовательной прозе Оскара Уайльда (к характеристике творческого метода писателя): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 2004. — 20 с.
- 3 Капранова И.П. Особенности использования приема антитезы в сказках Оскара Уайльда / И.П. Капранова, В.Н. Коробчак // Современный ученый. — 2021. — № 2. — С. 192–197.
- 4 Непомнящий В.С. Собрание трудов: [В 5 т.] / В.С. Непомнящий. — Т. IV. — М.: Изд. центр «МГИК», 2019. — 512 с.
- 5 Непомнящий В. Заметки о сказках Пушкина / В. Непомнящий // Вопросы литературы. — 1972. — № 3. — С. 124–151.
- 6 Азадовский М.К. Пушкин и фольклор / М.К. Азадовский. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. [Электронный ресурс]. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — Вып. 3. — С. 152–182. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v37/v372152.htm> (Дата обращения: 05. 06. 2021 г.).
- 7 Сурат И. Личный опыт в лирике Пушкина и проблема построения биографии поэта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл.: 10.01.01 / И. Сурат. — М.: ИМЛИ им. А. Горького РАН, 2001. — 59 с.
- 8 Раскольников Ф.А. Сатира, юмор и ирония в творчестве Пушкина [Электронный ресурс] / Ф.А. Раскольников // Литературовед. журн. — 2005. — № 19. — С. 3–25. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/satira-yumor-i-ironiya-v-tvorchestve-pushkina> (Дата обращения: 27. 05. 2021 г.).
- 9 Сапожков С.В. Жанр народной сказки в литературно-критической рефлексии А.С. Пушкина / С.В. Сапожков // Преподаватель XXI век. — 2018. — № 3. — С. 394–401.
- 10 Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / Е.Н. Трубецкой // Литературная учеба. — 1990. — № 2. — С. 100–118.

- 11 Силантьев И.В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев. — М.: Изд. дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2004. — 296 с.
- 12 Силантьев И.В. Сюжет и смысл. / И.В. Силантьев. — М.: Изд. дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. — 144 с.
- 13 Силантьев И.В. Сюжетологические исследования / И.В. Силантьев. — Новосибирск: РАН. Сиб. отд.; Ин-т филологии, 2011. — 248 с.
- 14 Силантьев И.В. Мотив как проблема нарратологии / И.В. Силантьев // Критика и семиотика. — Вып. 5. — Новосибирск: Ин-т филологии Сиб. отд. РАН, 2002. — С. 32–60.
- 15 Вацура В.Э. «Сказка о золотом петушке»: (опыт анализа сюжетной семантики) [Электронный ресурс] / В.Э. Вацура // Пушкин: Исследования и материалы / РАН; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука, 1995. — Т. 15. — С. 122–133. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/isf/isf-122-.htm> (Дата обращения: 01. 06. 2021 г.).
- 16 Ронкин В. Е. «Сказка о царе Салтане»: Архетипическое и актуальное [Электронный ресурс] / В.Е. Ронкин // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / РАН; ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкин. комис. — М.: Наследие, 1995. — Вып. III. — 1996. — С. 125–134. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/mp3/mp3-125.htm> (Дата обращения: 21. 07. 2021 г.).
- 17 Пропп В.Я. Морфология сказки [Электронный ресурс] / В.Я. Пропп. — Л.: Akademiia, 1928. — 152 с. — (Вопр. поэтики; Вып. XII). — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/pms-001-.htm> (Дата обращения: 15. 03. 2021 г.).
- 18 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. — Л.: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1946. — 340 с.

Қ.Б. Уразаева, Г. Ерік

А. Пушкиннің «Сұлтан хан туралы ертегісі». Жазушының парадоксы және орыс халық ертегісімен жұмыс жасау әдісі

Мақалада А. Пушкиннің «Сұлтан хан туралы ертегісі» негізінде парадокс моделін сипаттауға әрекет жасалған. Парадоксты зерттеу тартыс құрылымымен сюжетті байланыстыру контекстінде жүзеге асырылады. Бұл жазушының орыс халық ертегісімен жұмыс істеу әдісінің ерекшеліктерін анықтауға септігін тигізеді. Жұмыс әдісі халық ертегісінің формальды поэтикасынан Пушкиннің шегінісі сюжеттің синтагматизмі мен сюжеттің парадигматизмінің арақатынасы тұрғысынан да қарастырылған. Парадокстың құрылымы мен жазушының халық ертегісімен жұмысы жасауы сюжет пен образдарды, ирониялық парафразбен пародияны, композицияның ерекшеліктерін христиандандыру мысалдарында көрсетілген. Синтаксистік параллелизм әдістері талданған. Антитез функциясының архетиптік және сюжеттік ерекшеліктері зерттелген. Сюжеттік байланыс ретінде қайталаудың рөлі мен түрлері талданған. Айналы сюжеттік симметрия принципі жазушының орыс халық ертегісімен жұмысының ерекшелігі ретінде қарастырылған. Автордың оқырманға – бала мен ересек адамға әсер етуінің екі жақты сипаты талданған және түсіндірілген: фабулалық аспектіде — ғажайыптық поэтикасы тұрғысынан, сюжетте — манипуляция тұрғысынан, бұл Пушкин ертегісінің парадоксалды сипатын анықтауға көмектеседі. Фабуланың синтагматикалылығы ертегі заңдылығынан ауытқуы арқылы құрылған парадоксқа негізделген сюжеттің парадигматизмін анықтауға негіз болды.

Кілт сөздер: Пушкин, «Сұлтан хан туралы ертегі», парадокс, орыс халық ертегісі, аксиология, формулалық поэтика, фабулалық синтагма, парадигматикалық сюжет.

K. Urazayeva, G.Yerik

«The Tale of Tsar Saltan» by A. Pushkin. The paradox and method of the writer's work with the Russian folk tale

In this article, based on the material of «Tales of Tsar Saltan» by A. Pushkin, an attempt is made to describe the model of the paradox. The study of the paradox is undertaken in the context of the connection with the structure of the conflict and the plot, which contributes to the establishment of the peculiarities of the writer's method of working with the Russian folk tale. The method of work is considered both from the standpoint of Pushkin's deviation from the formal poetics of a folk tale, and the correlation of the syntagmatism of the plot and the paradigmaticism of the plot. The structure of the paradox and the writer's work with a folk tale is shown by examples of the Christianization of the plot and images, ironic paraphrase and parody, and features of the composition. The methods of syntactic parallelism are analyzed. The function of the antithesis is studied in the archetypal and plot varieties. The role and types of repetitions are investigated as plot staples. The principle of mirror plot symmetry is studied as a feature of the writer's work with a Russian folk tale. The author analyzes and explains the dual nature of the author's influence on the reader — a child and an adult: in the plot aspect from the point of view of the poetics of the miracle, in the plot aspect — in the aspect of manipulation, which helps to clarify the paradoxical nature of the Pushkin fairy tale. The syntagmatism of the plot became the basis for identifying the paradigmaticism of the plot, which is built on a paradox that is created by deviations from the fairy-tale canon.

Keywords: Pushkin, «The Tale of Tsar Saltan», paradox, Russian folk tale, axiology, formula poetics, plot syntagma, paradigmatic plot.

References

- 1 Lihachev, D.S. (1973). Neskolko myslei o «metochnosti» iskusstva i stilisticheskikh napravleniiakh [A few thoughts about the inaccuracy of art and stylistic trends] *Philologica. Issledovaniia po yazyku i literature. Philologica. Studies in Language and Literature*. Leningrad: Nauka [in Russian].
- 2 Tumbina, O.V. (2004). Kontrast i paradoks v povestvovatelnoi proze Oskara Uailda. (K kharakteristike tvorcheskogo metoda pisatel'ia). [Contrast and Paradox in Oscar Wilde's Narrative Prose (to the Characterization of the Writer's Creative Method)] *Extended abstract of Doctor's thesis*. Sanit Petersburg: RGPI im. A. Gercena [in Russian].
- 3 Kapranova, I.P., & Korobchak, V.N. (2021). Osobennosti ispolzovaniia priema antitezy v skazkakh Oskara Uailda [Features of using the antithesis technique in Oscar Wilde's fairy tales] *Sovremennyi uchenyi— A modern scientist*, 192–197 [in Russian].
- 4 Nepomnyashchii, V.S. (2019). Sobraniye trudov: [V 5 t.] [Collection of works in 5 volumes]. Moscow: Izdatelskii tsentr MGIK [in Russian].
- 5 Nepomnyashchii, V.S. (1972). Zametki o skazkakh Pushkina [Notes on Pushkin's fairy tales] *Voprosy literatury — Literature issues* [in Russian].
- 6 Azadovskiy, M.K. (1937). Pushkin i folklor [Pushkin and folklore]. [Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii — Pushkin: Proceedings of the Pushkin Commission Retrieved from <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v37/v372152-.htm> (accessed 5 June 2021) [in Russian].
- 7 Surat, I.Z. (2001). Lichnyi opyt v lirike Pushkina i problema postroeniia biografii poeta [Personal experience in the poetry of Pushkin and the problem of constructing a poet's biography]. The dissertation of a doctor of philological sciences in the form of scientific report: 10.01.01. Moscow [in Russian].
- 8 Raskolnikov, F.A. (2005). Satira, yumor i ironiia v tvorchestve Pushkina [Satire, humor and irony in the works of Pushkin], *Literaturovedcheskii zhurnal — Literary journal* Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/satira-yumor-i-ironiya-v-tvorchestve-pushkina> (accessed 27 May 2021) [in Russian].
- 9 Sapozhkov, S.V. (2018). Zhanr narodnoi skazki v literaturno-kriticheskoi refleksii A.S. Pushkina [The genre of a folk tale in the literary-critical reflection of A.S. Pushkin]. *Prepodavatel XXI veka — Teacher of XXI century* [in Russian].
- 10 Trubetskoy, Ye.N. «Inoe tsarstvo» i yego iskately v russkoi narodnoi skazke [«The Other Kingdom» and its seekers in a Russian folk tale] *Literaturnaya ucheba — Literary Studies* [in Russian].
- 11 Silantyev, I.V. (2008). *Poetika motiva [Poetics of Motive]*. Moscow: Izdatelskii dom YASK: Yazyki slavyanskoi kultury [in Russian].
- 12 Silantyev, I.V. (2018). *Syuzhet i smysl [Plot and meaning]*. Moscow: Izdatelskii dom YASK: Yazyki slavyanskoi kultury [in Russian].
- 13 Silantyev, I.V. (2011). *Syuzhetologicheskie issledovaniia [Case studies]*. Novosibirsk: Russian Academy of Sciences. Siberian branch, Institute of Philology [in Russian].
- 14 Silantyev, I.V. (2002). Motiv kak problema narratologii [Motive as a problem of narratology]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. Novosibirsk: Russian Academy of Sciences. Siberian branch, Institute of Philology [in Russian].
- 15 Vatsuro, V.E. (1995). Skazka o zolotom petushke. (Opyt analiza syuzhetnoi semantiki) [The Tale of the Golden Cockerel]: (Experience in the Analysis of Plot Semantics). *Pushkin: Issledovaniia i materialy — Pushkin: Research and materials*. Retrieved from <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/isf/isf-122-.htm> (accessed 1 June 2021) [in Russian].
- 16 Ronkin, V.Ye. (1996). «Skazka o tsare Saltane»: Arkhetipicheskoe i aktualnoe [«The Tale of Tsar Saltan»: Archetypal and relevant] Moscow, Nasledie. Retrieved from <http://feb web.ru/feb/pushkin/serial/mp3/mp3–125.htm> (accessed 21 July 2021) [in Russian].
- 17 Propp, V.Ya. (1928). Morfologiya skazki [Morphology of fairy tale]-Leningrad Academia. Retrieved from <http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/pms-001-.htm> (accessed 15 March 2021) [in Russian].
- 18 Propp, V.Ya. (1946). Istoricheskie korni volshebnoi skazki [Historical roots of fairy tales]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo gosudarstvennogo ordena Lenina universiteta [in Russian].